

УДК 32.019.5

Азнаурова З. З.

Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова
Социальный гуманитарный институт,
г. Нальчик

**СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА
ЕЁ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ГОСУДАРСТВОМ
НА СТРАНИЦАХ СБОРНИКА «ВЕХИ»**

Статья посвящена интерпретации понятия «интеллигенция», авторами сборника «Вехи», вышедшего в марте 1909 г. Так как именно веховцами были заложены основы изучения феномена русской интеллигенции. Особое внимание уделяется проблеме взаимоотношения интеллигенции и государства. Выявлено, что все авторы «Вех» исходили из признания самоценности внутренней жизни личности из утверждения, что именно она, а не самодовлеющее начало политического порядка, является основанием для всякого общественного строительства.

Существуют книги, общественно-политическое значение которых не ослабевает с течением времени, вокруг которых разгораются жаркие дискуссии, а к заложенным в них идеям возвращаются, чтобы переосмыслить их под новым углом зрения. Одной из таких, как нам представляется, являются знаменитые «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», вышедшие в марте 1909 года. Получив широкий общественный резонанс, к апрелю 1910 года сборник выдержал пять переизданий. В то же время менее чем за год после выхода в свет первого издания в периодической печати было опубликовано более 220 статей, рецензий и разного рода откликов. Оперативно было подготовлено и издано несколько контрвеховских сборников. В различных научных и религиозных обществах состоялись десятки публичных диспутов, на которых присутствовали многие видные обще-

ственные, политические и религиозные деятели, ученые, писатели, публицисты, широкие круги интеллигенции [1].

Книга стала апофеозом и звездным часом русской духовной школы. На протяжении ста лет вокруг «Вех» не утихают полемические споры. «Вехам» посвящались конференции, доклады и выступления. Сегодня ученые адресуют новые вопросы «Вехам». В том числе: Что говорят «Вехи» сегодняшнему сознанию? В чем они неизбежно устарели и в чем продолжают быть актуальными?

Сборник «Вехи» включал семь статей российских религиозных философов и публицистов: «Философская истина и интеллигентская правда» (Н. А. Бердяев), «Героизм и подвижничество» (С. Н. Булгаков), «Творческое самосознание» (М. О. Гершензон), «В защиту права» (Б. А. Кистяковский), «Интеллигенция и революция» (П. Б. Струве), «Этика нигилизма» (С. Л. Франк), «Об интеллигентной молодежи» (А. С. Изгоев). Мысль о создании сборника принадлежала историку, литературоведу и философу М. О. Гершензону (1869–1925). Он сумел привлечь к работе над ним своих единомышленников и стал редактором книги. Интересно, что Гершензон поставил перед авторами одно условие. Им было предложено не читать статей друг друга и не обсуждать их. Казалось бы, довольно странное требование при коллективной подготовке сборника статей. Однако когда работа была закончена, стало ясно, что все участники на разном материале и в разной форме высказали на удивление близкие мысли. «Вехи» – по мнению Т. Эйдельман, – оказались в полной мере творением единомышленников, несмотря на то, что часть авторов явно тяготела к славянофильской философской традиции, в то время как другие ориентировались, прежде всего, на западноевропейское культурное наследие» [2]. Значит, было в содержании «Вех» нечто общее, что вызвало особенно бурный протест лидеров и сторонников далеко не родственных по духу и социальным устремлениям политических партий и движений. И этим общим, что в той или иной мере объединило самих веховцев, было осуждение ими политического радикализма интеллигенции.

Выраженная в предисловии к «Вехам» авторская интенция о том, что «не с высокомерным презрением» к прошлому интеллигенции писаны статьи, и их стремление» с разных сторон» исследовать ее мировоззрение [3, 22–23] оказались простой деклараци-

ей о намерениях. Авторы явно вышли за рамки идейного спора. Серьезность поставленных «Вехами» проблем признавали даже их оппоненты. Как справедливо заметил в статье «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл» один из критиков «Вех», член ЦК партии кадетов Н. А. Гредескул, они «положили начало весьма напряженному и глубокому общественному размышлению над вопросами о русской интеллигенции, о переживаемом ею теперь кризисе, а вместе с тем и над очень многим другим, что совершалось и совершается в русской жизни» [4, 230]. Для того, чтобы правильно судить о «Вехах», необходимо, прежде всего, установить, в каком смысле употребляется там слово «интеллигенция». Это — отнюдь не все люди умственного труда, не верхний культурный слой, а специфическая группа более или менее образованных радикалов, ставших в оппозицию к российской власти. Интеллигенция, о которой идет речь в «Вехах», составляла едва ли не большинство тогдашних русских образованных людей, объединенных общей враждой к власти и любовью к народу, воспринимаемому не в реальности его существования, а в ореоле интеллигентского же мифа о народе. Вот, что писал Н. А. Бердяев о русской интеллигенции: «Говорю об интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции, искусственно выделяемой из общенациональной жизни. Этот своеобразный мир, живший до сих пор замкнутой жизнью под двойным давлением, давлением казённости внешней — реакционной власти, и казённости внутренней — инертности мысли и консервативности чувств — не без основания называют «интеллигентщиной» в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова. Те русские философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она относит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции, но чужды «интеллигентщины» [5, 24]. То есть под интеллигенцией авторы сборника имеют в виду, прежде всего человеческий тип, определяемый ими не через социальное положение, не через образовательный ценз, не через экономический источник существования, а через общее мировоззрение.

В «веховской» традиции необходимо разделять понятия «интеллигенция» и «образованный круг людей». Авторы сборника

причисляли себя к последним. То есть в «веховской» традиции интеллигенция стала определяться через противопоставление государственной власти. По мнению автора предисловия к «Вехам» М. О. Гершензона, «масса интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью... Сонмище больных, изолированных в родной стране, – вот что такое русская интеллигенция» [6, 98]. Таким образом, во время выхода сборника «Вехи» лишь тот образованный человек считался интеллигентом, который критиковал «отсталое правительство». Так под интеллигенцией в широком смысле, они понимали разночинцев, то есть леворадикальные социал-демократические революционные группы. Смысл в манипулировании терминами «интеллигенция» и «образованный класс» у П. Б. Струве и других веховцев (Бердяев, Булгаков, Франк), конечно, был. Он заключался в том, чтобы отмежеваться от той самой революционно-демократической интеллигенции с ее политическим радикализмом, чьим «духовным детищем», по словам С. Н. Булгакова, и явилась первая российская революция.

Авторы «Вех» выступили с критикой идеологии и практических установок революционной, социалистически настроенной интеллигенции – атеистического материализма, политического радикализма, идеализации народа (в марксизме — пролетариата) и т. п. «Вехи» провозглашали примат духовной жизни над общественной: «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия». «Веховцы» выступили с критикой радикальных взглядов интеллигенции, мешавших, по их мнению, установлению конституционного порядка в стране. «Люди, соединившиеся здесь для общего дела, частью далеко расходятся между собою как в основных вопросах «веры», так и в своих практических пожеланиях: но в этом общем деле между ними нет разногласий. Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства [7, 22-23]. Итак, главная мысль – порочность мировоззрения, озабоченного вопросами внешнего

устроения жизни вместо обращения мыслью к глубинам бытия. Участниками сборника было решительно отвергнуто укоренившееся среди интеллигенции представление о примате политики над философией, утилитарное понимание «интеллигентской правды» в ущерб «философской истине».

Сборник открывается статьей Н. А. Бердяева (1874–1948) «Философская истина и интеллигентская правда». В статье Н. А. Бердяев обрушился на российскую интеллигенцию за ее излишнюю приверженность к политике и общественному служению, вынуждавшую забывать о любых других проблемах, а главное, лишавшую людей внутренних нравственных ориентиров, заменяя их общепринятыми мнениями. «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти, что уничтожила интерес к истине» [8, 30]. Казалось бы, что может быть лучше стремления к справедливости и благу, но, возведенные в абсолюты, эти благородные чувства, по мнению Н. Бердяева, лишили интеллигентов духовной независимости, сделали их рабами устоявшихся «прогрессивных» мнений, вынуждая с презрением отворачиваться от любого суждения, в котором не видно стремление к пользе народной. Русская интеллигенция практически обожествовала народ и революцию, борьба с самодержавием стала тем критерием, при помощи которого оценивались любые явления. «Но недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать... Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции» [9, 42]. Этими словами завершается статья Н. Бердяева. Для общества, в котором борьба с самодержавием превратилась в некое подобие священной войны – со своими «иконами», мучениками и святыми, – такая мысль была не просто неожиданной, а явно шокирующей.

Не менее резкой была и следующая работа С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). Подзаголовок булгаковской статьи в «Вехах» – «из размышлений о религиозной природе

русской интеллигенции» говорил о многом. Он отмечал, что «изолированное положение интеллигента в стране, его оторванность от почвы, суровая историческая среда, отсутствие серьезных знаний и исторического опыта взвинчивали психологию героизма интеллигенции...страдания и гонения больше всего канонизируют героя и в его собственных глазах, и для окружающих. Героический интеллигент не довольствуется поэтому ролью скромного работника, его мечта быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа» [10, 55–57]. Таким образом, С. Н. Булгаков подверг интеллигенцию совершенно уничтожающей критике. Он предъявил ей обвинение в безоговорочном максимализме, переходящем в жестокую нетерпимость и узость мышления, увидел ребяческую неразвитость и некультурность ее сознания, незрелое преклонение перед романтикой смерти, оторванность от народных корней. Источник всех бед, по мнению философа – атеизм, презрение к религии, распространенные уже среди нескольких поколений русских людей. О какой же религиозной природе русской интеллигенции может идти речь? Однако в бескорыстии и чистоте помыслов этих людей С. Булгаков видит сходство с религиозным чувством, именно поэтому завершает свою статью выражением надежды на будущее возрождение интеллигенции, что для него означало, прежде всего, возвращение к религии.

Острая полемика, посвященная 100-летию «Вех», велась на страницах журнала «Российская история», где один из участников высказал свою точку зрения относительно интеллигенции «Россия стала частью Европы, не включив в это пространство народа... народ, не стал ни нацией, ни Европой. И интеллигенция долго выполняла эту функцию: будить, будоражить и всячески расширять «петровское окно». Но, как говорил С. Н. Булгаков, «не было ли это слишком большой опасностью: народу, который находился на уровне Владимира Святого, вдруг дать последние идеи западно-европейской культуры, причем не все, а только их часть». Европейская культура была ветвистым деревом, а русская мысль, как всегда, брала одну ветвь, выдавая ее за центральную» [11]. «Не поразительно ли, – считает М. О. Грешензон, – что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой ино-

земной доктрины? Шеллингизм, гегелянство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство и т.д. Наше сознание в массе не выработало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей национальной эволюции мысли» [12, 94–95]. Таким образом, «веховцы» сходятся во мнении, что русская общественная мысль была склонна к догматическому принятию идей Запада.

М. О. Гершензон отказывает русской интеллигенции даже в возможности настоящего единения с народом. Атеисты революционеры и глубоко верующие народные массы вряд ли смогут понять друг друга. Именно в этой статье прозвучали, быть может, самые знаменитые слова всего сборника. «Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [13, 101]. Взрыв негодования, вызванный этими словами, был настолько силен, что даже некоторые участники сборника попытались позже заявить, что они не разделяют этого шокирующего мнения. Восхвалять штыки и тюрьмы было слишком даже для тех, кто мог себе позволить резко и бескомпромиссно критиковать Белинского, Чернышевского и их последователей. Сам Гершензон во втором издании «Вех» был вынужден сделать примечание и объяснить, что он вовсе не собирался приветствовать «казни власти». «Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет она того или не хочет» [14, 150].

Известный «веховец» П. Б. Струве одним из фундаментальных признаков русской интеллигенции считает оппозиционность по отношению к государству. «Мы разумеем под интеллигенци-

ей, – пишет П. Б. Струве, – конечно не публику бывающую на балах в дворянском собрании. Мы разумеем под этим наименованием даже не «образованный класс». В этом смысле интеллигенция существует в России давно, ничего особенного не представляет. Интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему». Это отщепенство выступает в двух видах: как абсолютное и относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин). Относительным это отщепенство является в разных видах русского революционного радикализма, к которым относятся прежде разные всего формы русского социализма [15, 192]. Несмотря на столь неутешительную оценку ситуации, он оставляет надежду на благополучный исход. Правда, в отличие от своих коллег, предрекает не духовное возрождение интеллигенции и ее обращение к Богу. По мнению П. Б. Струве, скорее всего она «перестанет существовать как некая культурная категория», обуржуазившись и отказавшись от социалистических идей.

Все авторы «Вех» исходили из признания самоценности внутренней жизни личности как творческой силы человеческого бытия, из признания, что именно она, а не самодовлеющее начало политического порядка, является основанием для всякого общественного строительства. Этическому релятивизму были противопоставлены поиски абсолютных нравственных принципов, в которых виделись гарантии от всех видов духовного рабства, отрицание «безусловного примата общественных форм», идея первенства личной духовной жизни над внешними формами общежития». Эти идеи легли в основание предложенной «Вехами» философско-исторической конструкции, они же определили и суть упрека, брошенного интеллигенции: культивируя общественность, стремясь к улучшению его форм, она упустила из виду личность, момент творчества и созидания, чем был нанесен непоправимый вред культуре как процессу «самовоспитания» и объективизации человеческого духа [16, 247].

Насколько мы успели заметить, авторы «Вех» не вполне солидарны между собой. Каждый из авторов знаменитого сборника критикует интеллигенцию в соответствии со своими убеждениями. Так для философа Н. Бердяева трагедия русской интеллигенции заключается в восприятии европейской философии широкими массами интеллигенции в искаженном виде; для философа и теолога С. Булгакова же в безрелигиозности интеллигенции, ее самообожествлении, нравственной оторванности от жизни. М. О. Гершензон (историк русской общественной мысли) в довольно экспрессивной манере изображает раздвоенность, интеллигенции, ее бессилие и духовную нищету. Б. Кистяковский (юрист и социолог) говорит об «убожестве правосознания русской интеллигенции». П. Струве (политический деятель, философа) доказывает ее антигосударственность, отщепенчество. С. Франк (религиозный философа) критикует нигилизм, морализм, безверие и фанатичную суровость нравственных требований интеллигенции. А. Изгоев (социолог) обращает внимание на роль студенческой молодежи в развитии революционной социал-демократической мысли. Однако, «веховцы» на наш взгляд, грешат неопределенностью понятия «интеллигенция», заменяя целое («интеллигенция») частью (революционная, разночинная). Они рассматривали интеллигенцию только в контексте социал-революционной мысли. Конечно, оценивая интеллигенцию, через сборник «Вехи» мы и сегодня не можем однозначно ответить на поставленные «веховцами» вопросы. Поскольку еще долгие годы сборник будет служить питательной почвой для размышлений о судьбах России и русской интеллигенции. Несомненно, каждое новое поколение будет перечитывать «Вехи» по-своему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пузанев В. С. «Вехи» в оценках адептов и критиков. (К 90-летию сборника статей о русской интеллигенции) URL: / <http://credonew.ru/content/view/135/24/> (дата доступа 2.04.2011).
2. Эйдельман Т. «Вехи» и веховцы / URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/VEHI_I_VEHOV_TSI.html?page=0,1 (дата доступа 2.04.2011).
3. Гершензон М. О. Предисловие // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.

4. *Гредескул Н. А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.
5. *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.
6. *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.
7. Там же.
8. *Бердяев Н.А.* Указ.соч.
9. Там же.
10. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1993.
11. *Кантор В. К.* «Круглый стол».100-летие «ВЕХ». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009 // Журнал «Российская история»ю. № 6, 2009 URL: // <http://www.gosspen.su/ru/news/.view/id/400/> (дата доступа 4.04.2011).
12. *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.
13. Там же.
14. *Штурман Д.* В поисках универсального сознания. Перечитывая «Вехи» // Новый мир. 1994. № 4.
15. *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.
16. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Русская философия истории. М., 1997.

УДК 323

Студент *Атабиев А. Н.*
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова,
г. Нальчик

КАВКАЗ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В данной работе ставится цель рассмотреть Северный Кавказ через призму цивилизационной концепции Н. Я Данилевского. Основным источником по данному исследованию является работа Н.Я Данилевского «Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении» 1846 года. Исходя из этого источника можно предположить, что Данилевский, хоть и разделял